

Соколов-Микитов в литературной судьбе Глеба Горышина

Будь Глеб Александрович Горышин жив, он бы сказал о Соколове-Микитове сам. Но уже 9 лет, как его нет, я же — об отце пишу впервые. Возможно, некоторые суждения и оценки прозвучат слишком лично. Но это, наверное, неизбежно.

Глеб Горышин много писал о Соколове-Микитове, больше, чем о любом другом русском писателе, и это далеко не случайно. Им написан очерк к 80-летию Ивана Сергеевича — «Цельность писательской судьбы» (опубликован в «Звезде» в 1972 г.). К 10-летию со дня смерти, в 1985-м в «Нашем современнике» он опубликовал очерк «Я сам был Россия...», в названии которого — цитата из рассказа Соколова-Микитова «Свидание с детством»¹. В это время Глеб Александрович возглавил комиссию по литературному наследию Соколова-Микитова и редколлегию 4-томного собрания его сочинений. К первому тому 4-томника им написана вступительная статья — «Сердце писателя».

О цельности писательской судьбы прежде всего идет речь во всех этих очерках, о цельности, подчиненной, по словам Горышина, «однажды выбранному курсу, одним и тем же ориентирам» — «Россия, природа русская, народ русский, благо народа, любовь, революция, верность долгу художника-гражданина, служение русской литературе...»² В очерках Горышина нет пафоса, и, быть может, это единственный в них патетический фрагмент. Написанное Горышиным о Соколове-Микитове соединяет и личные впечатления и воспоминания, и литературный портрет писателя, и признание в любви к нему (очень искреннее, а за искренность Горышина в критике и ругали и хвалили), и похвальное слово писательству, классической русской литературе, которую в XX в. Соколов-

¹ Горышин Г. Цельность писательской судьбы: К 80-летию со дня рождения И. С. Соколова-Микитова // Звезда. 1972. № 5. С. 191—193; он же. «Я сам был Россия...»: О творчестве И. С. Соколова-Микитова // Наш современник. 1985. № 8. С. 178—186.

² Горышин Глеб. Сердце писателя // Соколов-Микитов И. С. Собрание сочинений: В 4 т. Л., 1985. Т. 1. С. 11.

Микитов, в представлении Горышина, собою являл. Сказанное о Соколове-Микитове было для Горышина во многом и собственной его авторской исповедью, собственной эстетической декларацией.

Г. А. Горышин. 1969 г.

И еще один очерк о творчестве Соколова-Микитова (первоначально названный «Зеленеет веточка», а потом вновь — «Я сам был Россия») Горышин включил в две свои книги, изданные в

1980-е гг. — «По тропинкам поля своего» и «Жребий: Рассказы о писателях»¹. Названия книг в обоих случаях многоговорящи — речь идет о его собственном писательском пути и о предопределенности этого пути.

Горышин и позднее выступал публикатором архивных материалов и ранних текстов Соколова-Микитова. В 1991 г. в «Новом мире» он вместе с П. П. Ширмаковым опубликовал в бесцензурной редакции «Карачаровские записи» 1950—1960-х гг.² Записи, надо сказать, поразительной силы, горечи, откровенности и поистине толстовской беспощадности по отношению к любого рода фальши — жизненной, исторической, литературной. Понятно, почему при более ранних публикациях записи эти печатались с купюрами.

В 1992 г. в журнале «Русская литература» Глеб Горышин совместно с А. С. Жеховым опубликовал четыре очерка Соколова-Микитова 1921 г. из берлинской газеты «Руль»³ с собственным предисловием, озаглавленным вопросом, который задал Соколову-Микитову А. Т. Твардовский: «Как Вас с такими глазами не расстреляли?» Эта публикация стала последним словом Глеба Горышина о любимом писателе, произнесенным к его 100-летию.

Здесь стоит сказать, что Глеб Горышин был человеком беспартийным (и только заняв в 1981 г. пост редактора журнала «Аврора», он принудительно вступил в партию). В жизни он был далек от политики и идеологии, в прозе — далек от публицистичности. В прозе он был лириком (да и в жизни тоже) и вообще был человеком мягким.

Но в литературе он выбирал не партию, он выбирал веру. И в своем вероисповедании он был непреклонно тверд: В русской литературе для Глеба Горышина существовали имена, отношение к которым правильно было бы назвать молитвенным. Особенно если учесть то, что он писал обычно о тех, кого близко знал, или о тех,

¹ Горышин Глеб. По тропинкам поля своего: Странствия. Размышления. Л., 1983. С. 231—244; Горышин Глеб. Жребий: Рассказы о писателях. Л., 1987. С. 164—196.

² Соколов-Микитов Иван. Из карачаровских записей / Публикация, предисловие и комментарии Глеба Горышина // Новый мир. 1991. № 12. С. 164—178.

³ Горышин Глеб. «Как Вас с такими глазами не расстреляли?» (к 100-летию И. С. Соколова-Микитова) // Русская литература. 1992. № 2. С. 176—190.

кого потерял. Так он относился к Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову. Так он еще, пожалуй, любил Шукшина.

Писательские имена, объединенные в книге Горышина «Жребий», — это прежде всего Пришвин и Соколов-Микитов. Рядом с ними — Белов, Шукшин, Абрамов, Юрий Казаков. Здесь же — первый литературный учитель Мих. Слонимский, старший друг, исследователь Толстого, Достоевского, Пушкина — Борис Иванович Бурсов, писатель-охотник Алексей Ливеровский, ленинградские прозаики Виктор Голявкин и Виктор Курочкин.

Глеб Горышин — не деревенщик, но убежденный почвенник. Он много писал и размышлял о беспочвенности литературы, с одной стороны, о ее народных, национальных, языковых корнях, с другой. «Законы движения художественной литературы в чем-то схожи с законами живой природы, — пишет он в очерке о Пришвине. — <...> Когда порывается связь литературы с природной почвой, со стихией творимого народом языка, скудеет литература. Безъязыкость — первый признак ее упадка»¹.

Однако не только вне национально-народной почвы, но и вне литературной родословной, по убеждению Горышина, писатель существовать не может. И себя самого он признавал писателем с родословной. Для него было и характерно, и абсолютно необходимо это осознание принадлежности литературной семье, сознание родства — и братства, и сыновности.

Обыгрывая и отчасти мифологизируя эту семейно-родственную идею, называя Карачарово сказочным Лукоморьем, а Соколова-Микитова — «карачаровским дедом», Горышин причисляет себя к его литературным внукам. И признается: «Одинок, дико в литературе брести на ощупь, без родословной, без мудроглазого деда, очевидца и действующего лица истории <...> Я не верю в эмансипацию внуков <...> Родство мое с Иваном Сергеевичем Соколовым-Микитовым я отыскал для себя в литературном многотомье, не претендуя на права наследования. Мне мила и близка микитовская восторженная преданность живой телесности мира»².

---

¹ Горышин Глеб. Жребий. С. 205.

² Там же. С. 165.

Признания эти говорят о том внутреннем тяготении, которое, видимо, и заставило Горышина искать знакомства с Иваном Сергеевичем, «патриархом русской литературы», каким он представлялся в середине 1960-х гг. тогда еще вполне молодому, но уже активно печатавшемуся Горышину. Публиковаться Глеб начал в 1957 г., в 1958-м вышел первый сборник его написанных на целине рассказов «Хлеб и соль», в 1960 г. он был принят в Союз писателей. Сказать стоит, что и в 1960-е, и в 1970-е гг., и позднее он публиковался регулярно и много, несмотря на не всегда одобрительную критику. Горышин — автор более двадцати сборников прозы. Он и писал, и вообще работал много, писал каждый день, писал всегда, дома — стучал на машинке, в дороге — писал на колене, в лесу — на пеньке. Наверное, писал и на берегу в Карачарове, которое стало для него местом паломничества.

Вернусь, однако, к его первой встрече с Иваном Сергеевичем Соколовым-Микитовым. Знакомство начинающего прозаика с Соколовым-Микитовым произошло в Ленинграде в середине 1960-х гг. (видимо, в 1965-м), об этой первой встрече в одном из очерков Горышин рассказал сам¹. Привел его к Соколову-Микитову в квартиру на Московском проспекте замечательный художник и книжный график Валентин Иванович Курдов, знаменитый своими иллюстрациями к «Калевале», иллюстратор десяти книг Соколова-Микитова. Курдов, как и Соколов-Микитов, был страстным охотником. Понятно, что охотником и путешественником был и приведенный им к «патриарху» Глеб Горышин.

Ко времени знакомства с Соколовым-Микитовым Горышин, окончив факультет журналистики ЛГУ в 1954 г., несколько лет отработал корреспондентом молодежной газеты на Алтае, затем (в 1958—1962 гг.) работал в геологических и изыскательских партиях в Приамурье, на Камчатке, на Курилах, Командорах, в Хибинах, вновь на Алтае; в 1962 г. он — корреспондент «Правды» на Сахалине. Экспедиция на Восточный Саян дает ему материал для «таежных» рассказов «Земля с большой буквы», «Саранка», «Три связки оленей»; из зоны затопления Братской ГЭС (где он прорубает «судовые хода»), из Забайкалья, с Дальнего Востока Горышин

привозит повести и рассказы «Близко море», «Живые люди», «Накат»; «Около океана», цикл очерков «Кто сидит со мной у костра». Они вошли в его сборники, изданные в начале 1960-х гг.: «Фиорд Одьба» (Л., Детгиз, 1961), «Земля с большой буквы» (М.; Л., 1963), «Синее око» (Л., 1963).

«Моим пером, — вспоминал позднее Горышин, — водило чувство свободы и счастья жить в мире, исполненном красоты и силы жизнотворчества»². Уже в ранних вещах он ощущает себя последователем «странствующей музыки» Паустовского, Пришвина, Соколова-Микитова. Путевой очерк останется его основным рабочим жанром, а дорога — главным сюжетообразующим началом. Подробный путевой дневник или же летучие, беглые заметки, письма с дороги (и даже «открытки с дороги») — привычная Горышину и любимая им литературная форма. О главном своем творческом принципе он писал: «Надежда моя — на дорогу или, вернее сказать, на тропу; мой сюжет на тропе, надо вначале его отыскать, промерить сюжет ногами, а потом написать. Это правило я выработал для себя за годы странствий...»³

И еще одному принципу, определившемуся уже в ранней прозе, Горышин сохранил верность навсегда — журналистскому по своей природе принципу документализма, когда цену имеет, прежде всего, подлинность и достоверность, когда в центре внимания оказывается реальное событие и конкретный человек. Собственную художественную документалистику он несомненно рассматривал как преемственную по отношению к Соколову-Микитову, назвав его «искателем сокровищ человеческих душ» и имея в виду героев его документальных повествований.

Горышин много работал в жанре повести-репортажа, особенно в 1970-е гг. Он пишет о землепроходцах Сибири и о земледельцах центральной России, о спасателях в Хибинах. Делатели, труженики, искатели — герои его прозы, и автором движет интерес к яркой человеческой судьбе. Но Горышина интересовала и яркая судьба, выразившаяся в документах, в личных дневниках, записках. А где

¹ Горышин Глеб. «Как Вас с такими глазами не расстреляли?». С. 176.

² Горышин Глеб. Сюжет на тропе // Литературная Россия. 1976. 23 апр.

³ Там же. С. 8.

записки и хроника жизни — там больше, чем судьба, там и движение истории, и ее осмысление, и жизненная философия. Редактированию и изданию чужих дневников и записок Горышин посвятил много сил. Так, он издал «величиною в целую жизнь» хроникү плаваний исследователя Арктики Евгения Николаевича Фрейберга («От Балтики до Тихого...»), многолетние дневниковые записи наблюдателя поста гидрометслужбы на Телецком озере Николая Павловича Смирнова («Не только о погоде»). У него есть рассказ «Чужие рукописи», кончающийся словами: «Чужие рукописи остаются с нами, как наши сердечные боли»¹. С сердечной болью, я думаю, работал он и над рукописями Соколова-Микитова.

И еще одна черта прозы Горышина близка Соколову-Микитову и преемственна по отношению к нему. «Повести Соколова-Микитова предельно автобиографичны»². Исключительно автобиографичен во всех своих произведениях и Глеб Горышин. Повествователь в его прозе всегда узнаваем, это он сам. По этому поводу он писал: «...всё, что было, — было со мной, и отделить себя от этого и отдать другим, придуманным мной людям, я не умел. Я хотел писать повесть, но получался дневник»³. За «навязчивый автобиографизм» его много ругали. Вероятно, автобиографизм Соколова-Микитова как ярко индивидуальный и убедительный художественный принцип мог служить Горышину образцом, опорой, оправданием его собственной творческой манеры. Дело не в том, разумеется, достоинство это или недостаток. В конце концов, и Толстой автобиографичен, и толстовский герой, можно сказать, «навязчиво» автопсихологичен.

Если речь зашла о прозе Горышина начала «оттепельных» 1960-х гг., то не стоит, видимо, спрямлять линию его литературной судьбы. Странствующий, мужественный и одинокий герой его ранних рассказов близок хемингуэвским персонажам, а, зная книжные увлечения отца, могу сказать, что влияние впервые открытой в те годы прозы Хемингуэя было на него очень сильным. Были и другие влияния. Горышин начинал печататься вместе с

¹ Горышин Глеб. Жребий. С. 59.

² Творчество И. С. Соколова-Микитова. Л., 1983. С. 6.

³ Горышин Глеб. Синее око. Л., 1963. С. 221.

В. П. Аксеновым, А. Т. Гладилиным, В. Н. Войновичем, вместе с ленинградцами Андреем Битовым и Виктором Конецким, близко их знал и был с ними дружен. Всех их, смело начинавших, сильно ругала тогдашняя критика. В дневниках Л. К. Чуковской есть запись 1965 г. о журнальном и газетном преследовании А. Г. Битова, Семина, В. П. Аксенова, Г. А. Горышина¹. Имя Горышина стояло тогда в этом ряду. Размежевание с друзьями молодости, прощание с кумирами тех лет и окончательное определение в собственной литературной «родословной» состоялось позднее. В конце жизни в «Нашем современнике» Горышин опубликовал крайне резкую, почти памфлетную критику на бывших своих друзей — «Проза престарелых красавцев»². Всего произошедшего в перестроечной России он категорически не принял, и в поздних его публикациях много и горечи, и разочарования, и раздражения.

В ранней прозе Горышина критика отмечала не только общий для «молодой» литературы начала 1960-х гг. поиск «сильной и цельной» личности. Лев Аннинский, например, в одной из критических статей тех лет увидел в авторе писателя «насквозь наивно честного», «чуткого, тонкого» и «стилистически нежного»³. В поздней прозе Горышина этой «стилистической нежности» не меньше, чем в ранней. Не случайно и в прозе Соколова-Микитова так дорого ему соединение печального и светлого, особенная его любовь-жалость. «Иван Сергееч Соколов-Микитов, — пишет Горышин, — любил (жалел) природу как живое, ранимое, смертное существо»⁴.

Не могу не процитировать одну из записей Соколова-Микитова 1956 г.: «Сколько в нашей природе мрачного, грустного, нежного и как отложилось, отозвалось всё это в характере человека.

Как и береза, осина — наше, русское дерево. А сколько в ней горечи, тонкой жалостности... Как трепыхаются, — будто живые, — даже в тихий день на тоненьких веточках ее поникшие листья, в какой яркий пламень, в темный багрец окрашена в позднюю осень.

¹ Чуковская Лидия. Сочинения: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 288.

² Наш современник. 1998. № 3.

³ Аннинский Л. Ядро ореха: Критические очерки. М., 1965. С. 107—109.

⁴ Горышин Глеб. Сердце писателя. С. 19.

Кто родился и жил в русской деревне, не может забыть горького запаха осины, чудесно влившегося в букет русского лиственного леса»¹.

В последние десять лет жизни каждое лето и осень Глеб жил в вепсской заброшенной деревне Нюрговичи, создавая вслед Соколову-Микитову собственные «письма из деревни», собственную хронику угасающей деревенской жизни, с пристальным вниманием фиксируя смену социальных, природных, погодных, собственных душевных состояний, с подлинной нежностью описывая те же березы и осины². В последние годы он всё чаще пишет стихи, включая их в прозаический текст, да и сама его проза, особенно пейзажная, всё ближе становится образно и ритмически — к стихотворениям в прозе³.

Решусь сказать, что многие очерки и рассказы Горышина можно было бы объединить под микитовским названием «На теплой земле». Вот только несколько названий его книг — «Чистая вода» (1982), «Весенняя охота на боровую дичь» (1986), «Уроки доброты» (1986), «Гора и берег» (1989) и т. д. Восхищение перед чудом жизни, жизни природной прежде всего, и благодарность за это чудо — главный мотив прозы Горышина. Путевой и «производственный» (условно говоря) очерк, письма из деревни, рассказы о писателях, записки натуралиста, охотничьи рассказы — основные жанры этой прозы. После 50-ти лет Горышин, как и Иван Сергеевич, следуя его жизненной заповеди и представлению о том, каким должен быть «настоящий» охотник (как И. С. Аксаков, Н. А. Зворыкин), не брал в руки ружья, оставив для себя только удовольствие охоты грибной и рыбной.

Вепсский лес, в отличие от среднерусского; — глухой, таежный, мрачный, с глубокими, неподвижными, темными озерами, со

¹ Соколов-Микитов Иван. Из карачаровских записей. С. 168.

² См.: «Луна запуталась в березе», «Слово лешему», «Возвращение снега», «По весне, по осени» (Север. 1991. № 12; 1992. № 8; 1993. № 3, 12); «Назову собаку Песси», «Меняют нижние венцы», «Время дергача» (Москва. 1994. № 9; 1995. № 6). Циклы очерков были собраны автором в книгу «Слово лешему», изданную посмертно (СПб., 1999).

³ За свой счет им изданы два небольших поэтических сборника: «Виденья» (Л., 1990) и «Возвращение снега» (СПб., 1996).

сплошь черными речками. В этих местах, в этих лесах много лет работал отец Глеба — Александр Иванович Горышин. И здесь я, наконец, упомяну о той биографической подробности, в которой, несомненно, «дышит почва и судьба» и которая, несомненно, для Горышина определила особую степень родственности Соколову-Микитову. И мать и отец Глеба — из крестьянских семей Новгородской губернии. В 1920-е гг. в Ленинграде они получили высшее образование, мама стала врачом-педиатром, отец окончил Лесотехническую академию. Всю жизнь А. И. Горышин занимался лесом. Перед войной и после войны он возглавлял лесное хозяйство Ленинградской области, трест «Ленлес». В блокаду руководил лесозаготовками для осажденного города, и на лесоповале и лесосплаве у него работали девушки из блокадного города. Об этом Глеб Александрович Горышин написал повесть «Запоть» (Л., 1980), заплатив долг памяти и отцу, и его поколению.

Детство Горышина поэтому прошло «в лесах» подобно детству его «литературного деда», как он решился величать Соколова-Микитова.

В московской квартире Соколова-Микитова на улице Мира Глеб Александрович при его жизни не бывал, вспоминал только, как нес гроб с телом Ивана Сергеевича, думая о том, что в доме напротив жил Шукшин. Но они знакомы не были.

Министерство культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации
Администрация Тверской области
Комитет по делам культуры Тверской области
Тверская областная универсальная научная библиотека
им. А. М. Горького
Тверской государственный университет

И. С. Соколов-Микитов в русской культуре XX века

Материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной 115-й годовщине со дня рождения
И. С. Соколова-Микитова

Тверь
2007